

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ УНГВАРСКОЙ (УЖГОРОДСКОЙ) ПЕРИОДИКИ ВРЕМЕН АВСТРО-ВЕНГРИИ

Науковий вісник Ужгородського університету.

Серія: Філологія. Випуск 2 (44).

УДК 811.161.2'282.2(477.87)

DOI:10.24144/2663-6840/2020.2(44).40–49

Агій С. Фразеологізми в мові угорської (ужгородської) періодики часів Австро-Угорщини; кількість бібліографічних джерел – 40; мова російська.

Анотація. В статті представлені результати генетичного аналізу фразем, зафіксованих в газетах і журналах, напечатаних в Угорщині (Ужгороді) в період між 1867–1919 рр. Корпус аналізу складає з таких видань, як *Свѣтъ* (1867–1871), *Новый Свѣтъ* (1871–1872), *Сова* (1871), *Карпатья* (1873–1886), *Листокъ* (1885–1903) і *Наука* (1897–1921). Естесно, в цих виданнях спостерігається значуща мовна інтерференція місцевих діалектів з церковнослов'янським, російським літературним, а також угорськими мовами. Культурна і мовна багатомовність характерна в тому числі і фраземі, що використовується в газетах і журналах.

Згідно з історико-географічним походженням, фраземи діляться на п'ять загальних груп. К першій групі віднесені ті давні інтернаціоналізми, які в різних версіях зустрічаються у різних народів. Крім фразем, утворених на основі давньої мудрості і давніх професій, в цій групі більшу частину складають біблізми, а також давньогрецькі і латинські фраземи. Во другій групі зібрані, головним чином, ті вирази, які стали загальнознаними в період пізнього середньовіччя після початку друку. В групі фразем східнослов'янського походження перераховані ті фраземи, які виникли в східнослов'янському культурному і мовному просторі і ввійшли в літературну норму російської і української мов. В групу угоризмів віднесені кальки тих фразем, які утворилися і поширилися на угорській мовній території. К останній групі віднесені народні фраземи, які виникли в Карпатському регіоні. В результаті аналізу було визначено, що з-за контамінації і перифразирования під впливом місцевих діалектів точне час, посередник і шлях проникнення фразем в мову споживачів зазвичай важко, а в деяких випадках неможливо відтворити.

Нарешті, аналіз показав, що публіцисти паралельно орієнтувалися на російську, угорську і народну (русинську) культуру, тому різні мовні і культурні сфери впливали на загальне бачення світу авторів і читачів майже в однаковій мірі, і, безсумнівно, в значущій ступені збагачували фразеологічний корпус.

Ключові слова: угорська періодика, генетична класифікація фразем, прислів'я і приказки, етимологія, кальки, бачення світу.

Постановка проблеми. Унікальність мови і діалектів Карпатського регіону з давніх часів привертає увагу лінгвістів, бо територія, сьогодні званою Закарпатською областю України, в культурно-мовному плані, безсумнівно, один з найбільш колоритних куточків Східної Європи. Загальновідомо, що мовні общини, що проживають в цьому регіоні, протягом століть знаходилися в тісних економічних і культурних контактах, і, визначено, сильно взаємодіяли на рівні побуту, культури і мови. Багатомовна і багатомовна вплив, таким чином, відображається в особливому баченні світу населення, що використовує місцеві діалекти, які зазвичай включають в себе елементи інших сусідніх мов.

В угорській (ужгородській) публіцистиці Австро-Угорського періоду спостерігається значуща мовна інтерференція місцевих діалектів з церковнослов'янським, російським літературним, а також угорськими мовами [ср. Панькевич 1938; Золтан 2009; Moser 2016]. Естесно, така ж культурна і мовна багатомовність характерна і фраземі, що використовується в газетах і журналах. Ці фраземи по історико-географічному походженню можна розподілити на п'ять загальних груп, хоча межі між цими групами часто виступають дуже пластичними, і в деяких випадках первісні джерела фразем важко визначити.

Аналіз досліджень. Мислення багатьох теоретиків-лінгвістів збігається в тому, що фразеологізми, як специфічні одиниці, сформовані в мові по традиції і автоматично, представляють собою особливу форму інтерпретації фрагментів дійсності, і таким чином, відображають загальне бачення і світогляд носіїв мови [Скрипник 1973, с. 11; Телія 1996, с. 82]. Тому, фразеологізми поєднують загальні категоріальні ознаки, властиві більшості мов, поряд з національними семантичними і структурними особливостями, що спостерігаються тільки в певних мовах або діалектах [Лавр 1985, с. 3]. Тем не менше, завдяки незамкнутості фразеологічної системи, в разі тривалого контакту носіїв різних мов і діалектів, спостерігається міграція і запозичення елементів [Бевзенко 1980, с. 196].

З тих пор, як фразеологія зародилася як самостійна дисципліна, мовознавці пропонують різні шляхи класифікації фразеологічного матеріалу [ср. Скрипник 1973, с. 13–23; Телія 1996, с. 11–55]. Серед методів, пропонуваних науковою літературою, виділяється один основний тип класифікації фразем по їх походженню і використанню, згідно з яким фраземи розділяються на книжну і народну групи [Скрипник 1973, с. 22; Ларин 1977, с. 159; Матвіяс 2007, с. 24]. В книжну групу відносяться біблізми, античні

выражения, а также фразеологические структуры авторов национальной и мировой культуры, в народную же – фразеологизмы, которые создаются на основе народного творчества, то есть, фраземы общенародные и диалектизмы [Ларин 1977, с. 159; Матвіяс 2007, с. 24]. Тем не менее, даже сторонники этой классификации подчеркивают трудность определения точных границ между книжной и народной фразеологией ввиду того, что на всех исторических этапах они находятся во взаимодействии, и, следовательно, народные фраземы часто поднимаются на литературный уровень, или наоборот, литературные перифразируются по народному вкусу [Булаховский 1952, С. 106-107; Ларин 1977, с. 156–158; Бевзенко 1980, с. 195; Матвіяс 2007, с. 25].

Другой тип группировки фразем по их происхождению и внедрению в литературный язык является расширенной формой первого и называется генетической классификацией. Первым из лингвистов, предложившим эту классификацию фразем русского языка, был Л.А. Булаховский, выделивший следующие группы:

- 1) пословицы и поговорки, почти сплошь лишившиеся диалектной окраски и звучащие как обычные фразы литературного языка;
- 2) получившие метафорическое употребление профессионализмы;
- 3) закрепившиеся выражения из анекдотов, шуток и под.;
- 4) цитаты и образы из «Ветхого» и «Нового завета»;
- 5) многочисленные реминисценции античной старины, безымянной и личной;
- 6) переводы ходячих выражений французских, значительно реже – немецких, итальянских и английских;
- 7) крылатые слова писателей русских и иностранных;
- 8) меткие фразы выдающихся людей [Булаховский 1952, с. 103; Скрипник 1973, с. 21–22].

Объективность подобной группировки не только в случае книжных фразем, но и народных подчеркивается тем фактом, что приведенные группы или их эквиваленты в большей мере употребляются при классификации диалектных фразем, а также составляют основу историко-этимологических фразеологических словарей [Бевзенко 1980, с. 195–198; Лавер 1997, с. 37–38]. Важность генетического подхода к анализу и группировке фразем обоснована и тем, что их структурно-семантическое разнообразие возможно охватить только в случае тщательного исследования взаимодействия и взаимопроникновения различных сфер фразеологического корпуса [Телия 1996, с. 81–82].

Цель, задачи статьи. Поэтому главной целью данной статьи является представление результатов генетического анализа и группировки фразем, употребляемых унгарскими публицистами Австро-Венгерского периода. В анализе также предпринимается попытка определения влияния различных языковых и культурных сфер на общее видение мира публицистов.

Методы и методики исследования. В основу нашего исследования легли газеты и журналы, напечатанные в Унгаре в период между 1867–1919 гг. на книжном русском и народном угро-русском (русинском) языках, а также на переходном языке,

базирующемся в различной пропорции на первых двух языках, с примесью церковнославянского. Таким образом, корпус анализа состоит из следующих изданий: **Свѣтъ** (1867–1871), **Новый Свѣтъ** (1871–1872), **Сова** (1871), **Карпаты** (1873–1886), **Листоць** (1885–1903) и **Наука** (1897–1921). В целях репрезентативности исследования мы анализировали одинаковое количество номеров, но различных годовых комплектов газет, которые выходили в свет на протяжении нескольких лет. В процессе анализа более ста тридцати номеров нами было зафиксировано почти сто различных фразем.

В целях определения культурных и языковых факторов, влияющих на видение мира публицистов в прямой, и на формирование видения мира читателей в косвенной форме, мы разделили зафиксированные фраземы по их историко-географическому происхождению на пять обобщающих групп. Учитывая миграцию, интеграцию и трансформацию элементов на протяжении веков, мы предложили следующую генетическую классификацию: 1) библеизмы и фразы античного (древнегреческого и латинского) происхождения; 2) выражения, заимствованные из произведений западноевропейских авторов времен средневековья, эпох реформации и возрождения; 3) пословицы, поговорки и другие закрепившиеся выражения восточнославянского происхождения; 4) кальки и переводы венгерских фразем; 5) народные фраземы, возникшие в Карпатском регионе.

Для сверки результатов, полученных при распределении фразем на группы, мы пользовались различными типами словарей. Таким образом, в основу генетической классификации легли историко-этимологические фразеологические словари В. Бардоши, А.К. Бириха и др., В.М. Мокиенко и Л. Хадровича. При анализе различия и сходства фразем восточнославянского происхождения мы ссылались на двуязычные русско-украинские словари И.О. Виргана и М.М. Пилинской, и Г. Млодзинского и М.Г. Йогансена. Перевод и сравнение венгерских фразем производились при помощи дву- и трехязычных словарей В.И. Лавера и И. В. Зиканя, и П.Н. Лизанца. Народные фраземы сравнивались в первую очередь со сборниками изучаемого периода и территории. В сборник «Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси» [ПГУР 1869] были включены почти все фраземы сборников «Галицкіі приповідки и загадки» [Илькевичь 1841] и «Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси» [Дешко 1867], поэтому отдельно на эти источники мы ссылались только в тех случаях, когда важно было подчеркнуть различия в употреблении фразем.

Изложение основного материала. Анализ показал, что большая часть фразем, употребляемых в унгарской периодике Австро-Венгерского периода, относится к интернационально известным фраземам библейского, античного и западноевропейского происхождения. Преобладание доли этих фразем объясняется в первую очередь религиозным и поучительным характером произведений и статей, включённых в изучаемые издания. Фраземы,

отнесенные в первые две группы, в значении тождественны с оригиналами, но наблюдается также их контаминация и перифразирование определенной степени под влиянием народного языка. Именно поэтому точное время, посредника и путь проникновения фразем зачастую трудно, а в некоторых случаях невозможно воспроизвести.

Анализ также показал, что различные языковые и культурные сферы в значительной степени обогащали фразеологический корпус своим влиянием на общее видение мира публицистов. Вопреки тому, что границы между группами фразем зачастую пластичны, можно утверждать, что публицисты ориентировались на русскую и венгерскую культуру в одинаковой мере. Русская культура распространялась посредством ряда литературных произведений, появившихся на страницах газет, в то время, как венгерская культура влияла через переводы новостей и полемики с венгерскими газетами. Русинская же культура развивалась не только при помощи оригинальных произведений, но также при помощи перифраз и калькирования оригинальных текстов.

Ниже приводятся некоторые объяснения генетических групп с примерами фразем, распределенных в каждую из них. В дополнение к каждой фраземе приводятся книжные и народные варианты со ссылками на сборники и словари.

1) Библеизмы и фразы античного происхождения

В эту группу мы отнесли те древние интернационализмы, которые в разных версиях встречаются у разных народов. Кроме фразем, образованных на основе древней мудрости и древних профессий, в этой группе большую часть составляют библеизмы, распространившиеся в европейских языках вместе с принятием христианства. В эту группу также входят древнегреческие и латинские фраземы, которые распространились на протяжении веков под влиянием классического образования.

Пословица *домагайса самъ и Богъ ти поможетъ* [КА73, № 7, с. 3], «Богъ лѣнниваго не любить, ай кажетъ „помагайся, я ти на помощи“» [НА97, № 12, с. 7], или *помагай себѣ, и Богъ поможетъ ти/тебѣ* [КА86, № 10, с. 2; НА97, № 16, с. 1; НА97, № 18, с. 8; НА98, № 3, с. 1] является древней мудростью [Bárdosi 2019, с. 248]. В рус. «на Бога надейся, а сам не плошай» [Вирган 2000, с. 48], в укр. «на Бога складайся, а сам праці не цурайся» [Номис 1864, с. 41; Лизанец 2009, с. 456]. Другая форма этой пословицы встречается как *сокотися – и Богъ ты будетъ сокотити* [СВ69, № 6, с. 3], которая в русском языке встречается как «берёжного Бог бережёт» [Мокиенко 2017, с. 54], или в украинском цитируется как «стереженого и Бѣгъ стереже» [Номис 1864, с. 215; ПГУР 1869, с. 337]. Пословица *Богъ неприходитъ палицею карати* [КА73, № 9, с. 4], или *Богъ не бѣтъ палицею* [НА09, № 2, с. 6; НА09, № 5, с. 6] также была распространена уже в 19-м веке в виде «Богъ не карае прутомъ» [Номис 1864, с. 41; ПГУР 1869, с. 233], сегодня принимает форму «Бог палицею не б'є» [Лизанец 2009,

с. 246]. Ругательное выражение *Богъ бы ты побивѣ* [НА09, № 10, с. 2] встречается в укр. словарях как «Богъ бы ты скитиль» [ПГУР 1869, с. 231], или «Бог би тебе скарав» [Білоноженко 1993, Кн. 1, с. 36]. Пословица *не все есть золотомъ, еже блескаетъ* [КА73, № 16; с. 3] встречается во многих языках – рус. «не всё то золото, что блестит» [Мокиенко 2017, с. 143]. В очень схожей форме находим эту фразу во всех словарях [Номис 1864, с. 335; ПГУР 1869, с. 302; Лавер 1985, с. 181]. Поговорка *«твердый орѣхъ на ваши зубы»* [НА09, № 7, с. 3] известна во многих европейских языках [Бирих 1998, с. 423; Bárdosi 2019, с. 113]. В рус. языке «крепкий орешек», а в укр. как «твердый горішок» [Лавер 1985, с. 139; Лизанец 2009, с. 265]. Фразеологизм *кто утапаеть, тотъ и плавиня ся хапаеть* [НА97, № 15, с. 5] известен во многих славянских и неславянских языках [Бирих 1998, с. 541; Bárdosi 2019, с. 178]. В восточнославянских словарях встречается как «кто потапае, тотъ ся бритвы хапае» [ПГУР 1869, с. 286], рус. «кто тонет, и за соломинку (или за бритву) хватается» [Млодзинский 1929, с. 16] или «хвататься за соломинку» [Лавер 1985, с. 319; Бирих 1998, с. 541], и укр. «и за соломинку хопиця, хто топиця» [Номис 1864, с. 436] или «ухопитися за соломинку» [Білоноженко 1993, Кн. 2, с. 917; Вирган 2000, с. 920].

В подгруппу древних профессионализмов относится фразема *воду скаламутятъ абы лѣнше рыбу имати* [НА97, № 13, с. 7], которая основана на древнем наблюдении рыбаков, описанном уже Эзопом в сюжете басни о рыбаке, согласно которому «ловить рыбу в мутной воде» легче, где рыба не может избежать сетей [Hadrovics 1995, с. 195; Бирих 1998, с. 508; Bárdosi 2019, с. 574]. «Ты пархо на свуй млинъ направляешь воду» [ДЛ91, с. 23] – также древний профессионализм, известный в большинстве европейских языков [Hadrovics 1995, с. 29; Bárdosi 2019, с. 349]. В словарях и сборниках встречается как «на свій млин воду обертае» [Номис 1864, с. 434], «на свѣй млынъ воду наvertати» [ПГУР 1869, с. 299], рус. «лить воду на чью мельницу», или укр. «лити воду на чий млин» [Вирган 2000, с. 469; Лизанец 2009, с. 324]. Варианты поговорки *люде даются волочити за носы* [СО, с. 7], *дается водити за носомъ* [СО, с. 7], и «русина во вшиткомъ за носъ водить нехрестъ» [НА09, № 11, с. 1] восходят к древнему способу управлять животными при помощи кольца, продетого в ноздри. Выражение рус. «водитъ з нос кого» встречается у древнегреческого писателя Лукиана и в Библии [Бирих 1998, с. 408; Bárdosi 2019, с. 399].

Пословицей библейского происхождения считается фразема *кто не робить, да не ѣсть* [НА97, № 16, с. 1], известная многим народам (рус. «кто не работает, тот не ест») [Мокиенко 2017, с. 255; Bárdosi 2019, с. 116]. Библеизм *человѣкъ размышляетъ а Богъ располагаетъ* [КА73, № 10, с. 1] вполне тождествен русскому литературному варианту «человек предполагает, а Бог располагает» [Вирган 2000, с. 49; Bárdosi 2019, с. 138]. Фразема *слѣный слѣнаго вода, оба въ яму впадутъ* [КА86,

№ 14, с. 1; Hadrovics 1995, с. 265; Bárdosi 2019, с. 553] встречается и в других источниках как «Слѣпый невидящего водивъ, та оба въ яму повпадали» [Номис 1864, с. 360; ПГУР 1869, с. 334]. Библизм *не лише о хлѣбъ живеть человекъ* [СВ69, № 7, с. 2] или *не изъ самага хлѣба только живеть человекъ* [КА73, № 16, с. 1] встречается как в Ветхом, так и в Новом Завете [Мокиенко 2017, с. 292; Bárdosi 2019, с. 275]. В рус. языке распространен как «не хлебом единым жив человек» [Мокиенко 2017, с. 292; Бирих 1998, с. 603].

Фразема *въ овчихъ кожахъ указуются, но волки суть* [НА09, № 7, с. 1] однозначно цитируется из Нового Завета [Hadrovics 1995, с. 269; Бирих 1998, с. 94; Bárdosi 2019, с. 64]. Различные варианты фраземы хорошо документированы в сборниках 19-го века и в современных словарях [Номис 1864, с. 335; ПГУР 1869, с. 321; Бирих 1998, с. 94; Вирган 2000, с. 129; Лизанец 2009, с. 108]. Пословица *не сберешь, чогось не посявья* [НА09, № 7, с. 4] также взята из Нового Завета [Мокиенко 2017, с. 248; Bárdosi 2019, с. 564]. Известна в рус. языке как «что посеешь, то (и) пожнешь», но в более ранних источниках встречается и «кто хоче зберати, мусить добре засѣяти» [ПГУР 1869, с. 286; Лавер 1985, с. 330]. Фразема *никогда не хвали солнце прежде его заката* [КА73, № 2, с. 3] известна из Ветхого Завета, но встречается и у Тита Ливия [Bárdosi 2019, с. 64]. В этом случае однозначно калька из венг. «nyugtával dicserd a napot» ‘день хвалится вѣчером’, так как в венг. «пар» имеет два значения ‘солнце’ и ‘день’, и, здесь переводится ошибочно [Лавер 1985, с. 84; Лизанец 2009, с. 411].

Пословица «я мою руки, я въ томъ не виновать» [СО, с. 7] посылается на древний обычай мытия рук как символа невинности, подробно описанного уже в Ветхом Завете [Bárdosi 2019, с. 285]. Другая пословица *рука руку моетъ* [ЛИ91, с. 81] восходит к произведению древнегреческого писателя Эпихарма и встречается у Сенеки и Петрония [Мокиенко 2017, с. 260; Bárdosi 2019, с. 285]. В форме «рука руку мое» она используется также у А.П. Дешка [Дешко 1867, с. 693]. Древнюю мудрость *время есть всегдъ наилучшимъ врачомъ* [КА73, № 16; с. 3] связывают с произведением Овидия «Наука любви», а также с автобиографическим произведением Блаженного Августина «Исповеди» [Мокиенко 2017, с. 91; Bárdosi 2019, с. 236]. Она встречается как рус. «время – лучший лекаръ» [Мокиенко 2017, с. 91] и «время все раны лечит» [Вирган 2000, с. 147]. Изречение *и мертвыхъ только добръ, либо ничь* [КА73, № 4; с. 3] приписывается древнегреческому философу Хилону, которое цитируется в сочинении Диогена Лаэртия «Жизнь, мнения и учения знаменитых философов» [Мокиенко 2017, с. 205; Bárdosi 2019, с. 211]. В словарях оно встречается как рус. «о мѣртвых – или хорошо, или ничего» [Млодзинский 1929, с. 16; Лавер 1985, с. 205], или укр. «о умерлимъ добре говори, а ні то мовчи». [Номис 1864, с. 372; ПГУР 1869, с. 317]. Поговорка *а мнѣ кукишь фигу ставятъ* [СО, с. 23] согласно некоторым ученым является калькой древнегреческо-

го выражения «sykorphanteo» рус. ‘клевету взвожу, в обман ввожу’ [Бирих 1998, с. 594]. Другие считают, что фразеологизм зародился и распространился в средневековье во Франции [Bárdosi 2019, с. 180]. В рус. языке встречается как «показать фигу/кукиш/шиш (в кармане)» [Бирих 1998, с. 594; Лавер 1985, с. 239], в укр. как «показати фігу/дулю (з маком/в кишени)» [ПГУР 1869, с. 348; Білоноженко 1993, Кн. 2, с. 663; Лизанец 2009, с. 557]. Другая версия этой поговорки встречается как „гуммѣй” *показаль* [НА97, № 13, с. 7], в которой гуммѣй несомненно восходит к венг. «kutyagumi» рус. ‘испражнения собаки’.

Выражение *печеный голубокъ не спадеть съ неба* [НА97, № 1, с. 16] возможно калька венг. «várja, hogy a sült galamb a szájába repüljön» ‘ожидает, чтобы жареный голубь влетел в рот’, которое в свою очередь восходит к античной мифологии [Bárdosi 2019, с. 185]. Оно встречается ещё как «печени голуби не летять до губы» [Номис 1864, с. 329; ПГУР 1869, с. 319]. На рус. язык это выражение переводится как «ждать у моря погоды» [Лавер 1985, с. 96]. Происхождение пословицы *порохъ брошаетъ людямъ въ очи* [КА73, № 13, с. 1] объясняется по-разному. По некоторым из версий она возникла во времена олимпийских игр [Бирих 1998, с. 481; Bárdosi 2019, с. 435]. В рус. она известна как «пускать пыль в глаза» [Млодзинский 1929, с. 45; Лавер 1985, с. 256]. Фразема *въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ* [КА73, № 12, с. 3] является буквальным переводом латинской фразы, цитированной из «Сатиры» Ювенала лат. «Mens sana in corpore sano» [Мокиенко 2017, с. 285; Bárdosi 2019, с. 527]. Пословица латинского происхождения *яблоко отъ яблони недалеко падаетъ* [НС, с. 6] присутствует во многих языках [Hadrovics 1995, с. 240; Мокиенко 2017, с. 301; Bárdosi 2019, с. 38]. В сборниках 19-го века встречается еще и другой вариант «не откотить ся яблоко далеко отъ яблунѣ, а хоть ся откотить, то ся хвостикомъ оберне» [ПГУР 1869, с. 307].

2) Выражения, заимствованные из произведений западноевропейских авторов

В этой группе собраны, главным образом, те выражения, которые стали общеизвестными в период позднего средневековья после начала книгопечатания. Таким образом, в группу вошли в первую очередь переводы и кальки известных французских и немецких писателей, распространенные во многих европейских языках.

Об истории возникновения пословицы «покупать kota в мешке», образующей основу фраземы *на что кошку въ мѣху продавати?* [КА73, № 15, с. 4], существует несколько представлений среди лингвистов и фольклористов. Некоторые, в частности, считают, что она возникла на основе немецкого средневекового фольклора, по мнению других – пословицы являются более древним продуктом устной культуры [Мокиенко 2017, с. 170; Bárdosi 2019, с. 577]. Пословица распространена во многих европейских языках и диалектах [Номис 1864, с. 169; ПГУР 1869, с. 280; Млодзинский 1929, с. 14; Лавер 1985, с. 138; Вирган 2000, с. 477].

Различные версии фраземы *я не хочу, чтобы дѣтина вывержена (вылята) была съ купелью* [КА73, № 2, с. 3], *новорожденное дитя можно вылити вмѣстѣ съ первою купелью* [КА73, № 15, с. 3], или *чтобъ дѣтина купелью не выбросилась* [КА73, № 16, с. 3] распространились в европейских языках после того, как выражение было употреблено Мартином Лютером [Бирих 1998, с. 87; Bárdosi 2019, с. 183]. В рус. языке книжная форма фраземы – «вместе с водой выплеснуть и ребёнка» [Бирих 1998, с. 87].

Видоизменения старой пословицы, ставшей общеизвестной из произведения Жана де Лафонтена (фр. «tirer les marrons du feu» – ‘вытаскивать каштаны из огня’), не трудно разыскать в большинстве европейских языков [Бирих 1998, с. 500; Bárdosi 2019, с. 190]. В анализированных источниках эта фразема, возможно, является калькой венгерской пословицы, которая приняла своеобразную форму *мы имъ крумпль изъ грани угребемъ и пальцѣ обпечемъ* [НА97, № 9, с. 6], где слово «каштаны» заменяется венгеризмом *крумпль* (венг. «krumpli» – ‘картошка’). В восточнославянских источниках пословица появляется как «чужими руками жар загребать» [Номис 1864, с. 430; Млодзинский 1929, с. 34; Лавер 1985, с. 304; Бирих 1998, с. 500; Лизанец 2009, с. 326].

Фразема *увидиме, кто буде на концу смѣятися* [НА09, № 1, с. 2], вероятно, выступает перифразой французской пословицы, которая была употреблена писателем Жан-Пьер Флорианом в басне «Два крестьянина и туча» [Мокиенко 2017, с. 170]. В рус. языке она встречается как «хорошо смеётся тот, кто смеётся последним» [Млодзинский 1929, с. 25; Лавер 1985, с. 321].

Всемирно известная фразема *«время, говорить, деньги»* [КА86, № 1, с. 1] является переводом афоризма американского государственного деятеля Бенджамина Франклина [Мокиенко 2017, с. 92; Bárdosi 2019, с. 64].

3) Выражения восточнославянского происхождения

В группе фразем восточнославянского происхождения перечислены те фраземы, которые возникли в восточнославянском культурном и языковом пространстве и вошли в литературную норму русского и украинского языков.

Среди общеизвестных пословиц восточнославянского происхождения стоит выделить *подъ лежачий камень – вода не течетъ* [СВ69, № 1, с. 3], известную в разных вариантах с XVII в. [Номис 1864, с. 330; Лавер 1985, с. 234; Вирган 2000, с. 393; Мокиенко 2017, с. 155]. Пословица *куда игла, туда нитка* [НА97, № 15, с. 7], безусловно, имеет народное происхождение и в этом виде известна в ряде восточнославянских языков [Номис 1864, с. 400; ПГУР 1869, с. 286; Лавер 1985, с. 143; Мокиенко 2017, с. 144]. Пословица *безъ Бога и не до порога* [НА98, № 2, с. 6], распространенная в рус. и укр. языках, приводится как в исторических сборниках [Номис 1864, с. 39; ПГУР 1869, с. 231; Млодзинский 1929, с. 6], так и современных словарях [Вирган 2000, с. 48].

Фразема, основанная на антитезе *ученье свѣтъ, – невѣжество тьма* [СВ70, с. 194] в рус. известна как «ученье свет, неученье тьма» [Млодзинский 1929, с. 53; Лавер 1985, с. 317; Мокиенко 2017, с. 290]. Древнее выражение *держали языкъ за зубами* [СО, с. 20] присутствует во многих славянских языках [Илькевич 1841, с. 94; Дешко 1867, с. 693; Мокиенко 2017, с. 241]. Выражение *пошоль съ довгимъ носомъ* [ДЛ91, с. 35] восходит к древнему обычаю, когда жених дарил родителям невесты нос (от «нести»), а когда подарок отвергался, он «оставался с носом» [Бирих 1998, с. 409; Лавер 1985, с. 212]. Пословица *песь брешеть, вѣтеръ несетъ* [НА97, № 10, с. 8] широко распространена в восточнославянских языках [Номис 1864, с. 320; ПГУР 1869, с. 319; Млодзинский 1929, с. 49; Вирган 2000, с. 64].

Пословица *терти козакъ, атаманъ будешь* [СВ69, № 12, с. 1] в рус. языке заимствована из укр., где известны множество ее вариантов [Номис 1864, с. 140; Вирган 2000, с. 387; Мокиенко 2017, с. 149]. Фразема *не дай Боже изъ Ивана пана!* [СО, с. 2; НА98, № 1, с. 1], часто употребляемая в укр. языке, включена в сборники анализируемого периода как пословица «Галицкой Руси» и «Правобочной Украины» [Номис 1864, с. 97; ПГУР 1869, с. 303]. Пословица *научить бѣда попити, якъ нечогося хопити* [ДЛ91, с. 64] также считается украинской по происхождению [Номис 1864, с. 133; ПГУР 1869, с. 300; Вирган 2000, с. 23]. Пословица *терпѣние и трудъ все перетрутъ* [НА98, № 3, с. 1], без сомнения, древнерусского происхождения [Млодзинский 1929, с. 51; Лавер 1985, с. 305; Вирган 2000, с. 817].

4) Кальки и переводы венгерских фразем

Вопреки тому, что некоторые из фразем первой и второй группы были заимствованы угро-русским (русинским) языком посредством венгерского, в группу венгеризмов мы отнесли те фраземы, которые, вне всякого сомнения, возникли и получили изначальное распространение на венгерской языковой территории.

Среди фразем, отнесенных в группу венгерских калькированных, встречаются такие, которые известны в восточнославянских языках с некоторым видоизменением. Такой является фразема *Бога за ноги* [СВ69, № 11, с. 2], «держали’сме Бога за ноги, а чорта за роги» [НА09, № 5, с. 1], которая, возможно, является калькой венг. «megfogni az Isten lábát» ‘поймать Бога за ноги’ в значении ‘быть счастливым’. В сборнике 1869-го года она принимает форму «еще съ Бога за ноги не уймавъ» [ПГУР 1869, с. 263]. В сборнике Номиса мы также находим эту фразему, но только в приложении, в которое вошли фраземы, ранее вычеркнутые российской цензурой [Номис 1864, с. 705]. В укр. переводе она фигурирует как «вхопити Бога за бороду» [Билоноженко 1993, Кн. 1, с. 165; Лизанец 2009, с. 93].

Фразема *нѣму дѣтину и мати не разумѣеть* [НА97, № 15, с. 6] также, вероятно всего, представляет собой кальку венгерской пословицы «néma gyermeknek anyja sem érti szavát» ‘немного ребенка даже мать не понимает’, так как в словарях мы на-

ходим «дитина не плаче, мати не чує/розуміє» [Номис 1864, с. 223; Лизанець 2009, с. 399]. Поговорка *песъ сытый сбѣсится* [ДЛ91, с. 79], можливо, переклад венг. «a kutya is jó dolgában veszik meg» ‘собака бесится, когда ей хорошо’. Она встречается еще как «сытый не худой песъ казится» [ПГУР 1869, с. 339]. Выражение *подобно рыбѣ вывершенной на берегъ* [КА86, № 11, с. 2], по всей вероятности, является калькой венг. «vergődik, mint a partra vetett hal» ‘бьётся как рыба выброшенная на берегъ’ [Bárdosi 2019, с. 209]. В восточнославянских словарях оно встречается как «бьётся как рыба об лёд» [Номис 1864, с. 131; Лавер 1985, с. 17; Бирих 1998, с. 508; Лизанець 2009, с. 548].

Своеобразной представляется фразема «ходите по гостинкамъ въ пълномъ состо́ннїи, якъ маслаговатыа рыбы» [ДЛ91, с. 21; ДЛ91, с. 25; ДЛ91, с. 54], которая, по всей вероятности, является калькой венг. «nem ettem maszlagot» – ‘я не объелся дурмана’. Здесь сочитание лексемы *маслаг* (рус. ‘дурман’, лат. ‘Datura’) и *рыба* посылается на древний метод рыбальства, который с середины 16-го века был запрещен законом. В воду сыпались ядовитые растения или их семена, после чего одурманенные рыбы ловились руками или сетями [Bárdosi 2019, с. 354]. С этим связана и фразема «ужь доселѣ еще дурныя губы неѣль» [СВ69, № 3, с. 3], как калька венг. «nem ettem bolondgombát» ‘не объелся погаными грибами’ [Лавер 1985, с. 174; Лизанець 2009, с. 385]. В рус. языке фразема распространена в виде «белены объелся» [Лавер 1985, с. 14; Бирих 1998, с. 45], в укр. «блекоти/дурману/чемериці наївся хто» [Номис 1864, с. 296; Білоноженко 1993, Кн. 2, с. 567].

Фразема *знае отъ чего псы (мухы) здыхають* [НА09, № 15, с. 6], вероятно, калька венг. «tudja, mitől döglök a légy» ‘знает, от чего мухи дохнут’, несмотря на укр. перевод «знає, від чого мухи здихають» [Лизанець 2009, с. 509]. Фраземы *оу негъ было что крышити въ сметану* [ДЛ91, с. 8] и *оу мене є што въ молоко крышити* [ДЛ91, с. 29] – дословные кальки венг. народной поговорки «van mit aprítania a tejbe» ‘он имеет что покрошить в молоко’ в значении «он далеко не беден» [Лизанець 2009, с. 542; Bárdosi 2019, с. 523]. Фразеологизм *нашъ черепъ уже заросъ* [НА97, № 10, с. 8], несомненно, восходит к венг. «benő a feje lágya» ‘у кого-то заросла мягкая часть головы (родничок)’. Поговорка переводится на рус. как «сами с усами» [Млодзинський 1929, с. 46; Лавер 1985, с. 272; Бирих 1998, с. 587] или укр. «він уже виріс із дитинства» [Лизанець 2009, с. 115]. Фразема *отъ жебрачой палици* [ДЛ91, с. 83], безусловно, основана на венг. «koldusbotra jut» рус. ‘добраться до нищенского посоха’, которая встречается в восточнославянских языках как «пустить/ходить по миру» [Лавер 1985, с. 256; Білоноженко 1993, Кн. 1, с. 356; Вирган 2000, с. 482; Лизанець 2009, с. 292]. Вопрос *ци сѣно, ци солома?* [ДЛ91, с. 34], вероятно, дословный перевод венг. фраземы «széna vagy szalma?» рус. ‘сено или солома?’, в значении ‘да или нет?’ [Bárdosi 2019, с. 501].

Типичной калькой считается выражение «нотарышикови хибить едно колесо съ мозгу» [НА97, № 13, с. 7], которое, безусловно, базируется на дословном переводе венг. поговорки «nincs ki mind a négy kereke» ‘у кого-н. не хватает одного колеса’ [Bárdosi 2019, с. 277]. Фразема переводится как рус. «не хватает одной клёпки в голове» или укр. «не всі дома у кого-н.» [Лавер 1985, с. 192; Лизанець 2009, с. 143]. Фразема *много у того челавѣка на счетѣ* [КА73, № 10, с. 3] также является дословным переводом венг. «sok van a govásán» ‘у кого-н. много на зарубке/насечке’. В поговорке отражается древний метод ведения счетов путем создания зарубок на деревянной палке [Bárdosi 2019, с. 455]. Фразема переводится как «верёвка плачет по ком», или «на його совісті багато гріхів» [Лавер 1985, с. 41; Лизанець 2009, с. 465]. Фразема «ничъ не мае, тай ряндыомъ трясе» [ДЛ91, с. 47] – это калька венг. «rázza a rongyot» ‘трясёт тряпьем’ [Bárdosi 2019, с. 453], в которой венгеризм *рянды* (венг. «rongyu», укр. *рянда, ранда* ‘женская одежда, старая сорочка, лоскут, тряпка’) широко распространен на территории Закарпатья в этом значении [ЕСУМ, Т. 5, С. 23–24]. На укр. она переводится как «задирати носа» [Лизанець 2009, с. 441].

5) Народные фраземы, возникшие в Карпатском регионе

Фраземы этой категории, безусловно, зародились на восточнославянской языковой почве. Но одна из причин отдельной группировки лежит в том, что эти фраземы, в отличие от третьей группы, не вошли в литературную норму, а остались малоизвестными регионализмами.

Среди выражений, включающих в себя топонимы, мы находим фразему «мы же ихъ осязавъ, такъ можемъ раздробити нашими тяжелыми оружіями, будто Доброчинскій мыляръ соленину на дробезнькиа шкварки» [СВ69, № 12, с. 2], в которой Доброчин – историческое название города Дебрецена, расположенного на востоке Венгрии. Из гидронимов Карпатского региона река Латорица включена в фразему «не будь такий розумний, якъ твои предки были, котры рака такъ покарали, что его изъ моста въ рѣку Латорицю трутили» [НА98, № 3, с. 5].

Одинъ вовкъ на разъ негодень закусити сорокъ бирьокъ в тексте представляет собой перевод венгерской поговорки «Sokat akar a szarka, de nem bírja a farka» [СО, № 1, с. 7] ‘Сорока многого хочет, но её хвост не выдерживает’ – рус. «близок локоть, да не укусишь» [Млодзинський 1929, с. 10; Лавер 1985, с. 17; Мокиенко 2017, с. 195], укр. «рада б душа до раю, та гріхи не пускають» [Лизанець 2009, с. 466].

Фразема «мы, якъ голы въ терню, несчастны остали» [ДЛ91, с. 51] известна по обе стороны Карпат – в Угорской Руси как «такъ му добръ, якъ голому въ терню» [Дешко 1867, с. 693], и в Галицкой Руси как «маюся – як [голый] в терню» [Номис 1864, с. 131; ПГУР 1869, с. 292; Сабадош 2008, с. 168]. На рус. язык она переводится как «бьётся как рыба об лёд» [Вирган 2000, с. 436].

Поговорки типа *якій отець, такий хлопець; а яка матка, така и Катка* [НА98, № 3, с. 4] довольно продуктивны в укр. языке, но данная фразема встречается только в сборниках пословиц Угорской Руси [Дешко 1867, с. 692; ПГУР 1869, с. 358].

Вторая половина фраземы *поклавь бы го Богъ у цураву тайстру* [НА09, № 7, с. 2] в рус. значении 'дырявая сумка/мешок' встречается и в других диалектах Карпатского региона [Сабадош 2008, с. 348].

У фраземы *лѣше дома тенгеричаникъ, якъ у чужинѣ колачь* [НА97, № 12, с. 8], несомненно, существует много вариантов в разных языках. В венг., например, «*jobb itthon a fekete kenyér mint máshol a fehér*» 'лучше дома чёрный хлеб, как белый на чужине', или рус. «калачом не заманишь» [Бирих 1998, с. 241; Лизанець 2009, с. 465]. Здесь *тенгеричаникъ* 'лепешка из кукурузной муки' от венг. «*tengeri*» 'кукуруза'.

Итоги. Таким образом, в результате генетического анализа было определено, что большая часть фразеологизмов, зафиксированных в газетах и журналах, напечатанных в Унгваре в период между 1867–1919 гг., относится к интернационально известным фраземам библейского, античного и западноевропейского происхождения. Тем не менее, в результате контаминации и перифразирования в определенной степени под влиянием народного языка, точное время, посредника и путь проникновения фразем зачастую трудно, а в некоторых случаях невозможно воспроизвести. Анализ также показал, что публицисты параллельно ориентировались на русскую, венгерскую и народную (русинскую) культуру, поэтому различные языковые и культурные сферы влияли на общее видение мира авторов и читателей почти в одинаковой мере, и несомненно, в значительной степени обогащали фразеологический корпус.

ИСТОЧНИКИ

1. ДЛ91 = Додатокъ къ Листку. Ред. Фенцикъ Е., Унгварь, 1891. № 1, 3, 5, 7, 9.
2. КА73 = Карпать. Ред. Гомичковъ Н. Ю., Унгварь, 1873. № 1–18.
3. КА86 = Карпать. Ред. Гомичковъ Н. Ю., Унгварь, 1886. № 1–14.
4. ЛИ85 = Листокъ. Ред. Фенцикъ Е., Унгварь, 1885. № 1–6.
5. ЛИ86 = Листокъ. Ред. Фенцикъ Е., Унгварь, 1886. № 1–11.
6. ЛИ91 = Листокъ. Ред. Фенцикъ Е., Унгварь, 1891. № 1–10.
7. НА97 = Наука. Ред. Чучка Ю., Унгварь, 1897. № 7–18; Подарокъ отъ «Науки».
8. НА98 = Наука. Ред. Чучка Ю., Унгварь, 1898. № 1–3.
9. НА09 = Наука. Ред. Волошинъ А. И., Унгварь, 1909. № 1–3, 5–8, 10–11.
10. НС = Новый Свѣтъ. Ред. Гебей В. А., Унгварь, 1871. № 2.
11. СВ69 = Свѣтъ. Ред. Сабовъ К. А., Унгварь, 1869. № 1–15.
12. СВ70 = Свѣтъ. Ред. Кимаць В. Ф., Унгварь, 1870. № 1–15.
13. СВ71 = Свѣтъ. Ред. Кимаць В. Ф., Унгварь, 1871. № 1–2.
14. СО = Сова. Ред. Кимаць В. Ф., Унгварь, 1871. № 1–4.

СЛОВАРИ И СБОРНИКИ

15. Білоноженко В.М. та ін. Фразеологічний словник української мови. Кн. 1–2. Київ: Наукова думка, 1993.
16. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998.
17. Вирган І.О., Пилинська М.М. Російсько-український словник сталих виразів. Харків: Прапор, 2000.
18. Дешко А.П. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси. *Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. Т. 1. С. Петербургъ, 1867. С. 694–706.
19. Илькевичъ Г. Галицкіи приповідки и загадки. У Вѣдни, 1841.
20. Лавер В.И., Зиканъ И.В. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь. Киев – Ужгород: Радянська школа, 1985.
21. Лизанець П. Угорсько-український словник сталих словосполучень та виразів. Ужгород: Карпати, 2009.
22. ЕСУМ = Мельничук О. С. та ін. Етимологічний словник української мови. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006.
23. Млодзинський Г., Йогансен М. Г. Практичний російсько-український словник приказок. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2009.
24. Мокиенко В.М. Давайте правильно говорить по-русски! Пословицы: как их правильно понимать и употреблять, толкование, происхождение, иноязычные соответствия. Москва: Издательство Центрполиграф, 2017.
25. Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О.В. Марковича и других. С.-Петербург: В друкарнях Тиблена і комп. И. Куліша, 1864.
26. ПГУР = Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси. *Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. Т. 2. С. Петербургъ, 1869. С. 227–362.
27. Bárdosi V. Szólások, közmondások eredete. *Frazeológiai etimológiai szótár*. Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2019.
28. Hadrovics L. Magyar frazeológia. Történeti áttekintés. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995.

ЛИТЕРАТУРА

29. Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ: Вища школа, 1980.
30. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев: Радянська школа, 1952.
31. Золтан А. О языке «Газеты для народных учителей» (Пешть-Будинь, 1868–1872). *Consortium omnis vitae: Сборник статей к 70-летию профессора Ф.П. Федорова*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais Argāds „Saule”, 2009. С. 136–146.
32. Лавер В.И., Зикань И.В. Некоторые особенности описания устойчивых сочетаний в трехязычном фразеологическом словаре. *Лавер В.И., Зикань И.В. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь*. Киев – Ужгород: Радянська школа, 1985. С. 3–8.
33. Лавер В.И. Дериваційна база фразем українських говорів Карпатського регіону. *Acta Hungarica*. № 6. Ужгород, 1995. С. 32–40.
34. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. Москва: Просвещение, 1977.
35. Матвійас І.Г. Діалектна основа лексики і фразеології в українській літературній мові. *Мовознавство*. 2007. № 3. С. 23–27.
36. Панькевич І.А. Українські говори Підкарпатської Русі і сумесних областей: З приложенням 5 діалектологічних мап: Частина I. Звучня і морфологія. *Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpátské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze*. Číslo 9. Praha, 1938.
37. Сабадош І.В. Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008.
38. Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. Київ: Наукова думка, 1973.
39. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
40. Moser M. Rusyn: A New-Old Language In-between Nations and States // Kamusella T., Nomachi M., Gibson C. eds. *The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. С. 124–139.

SOURCES

1. Dodatok k Listku (1891) Red. Fencik E., Ungvar. № 1, 3, 5, 7, 9 [in mixed Rusyn–Russian].
2. Karpat (1873) Red. Gomichkov N. Ju., Ungvar. № 1–18 [in mixed Rusyn–Russian–Hungarian].
3. Karpat (1886) Red. Gomichkov N. Ju., Ungvar. № 1–14 [in mixed Rusyn–Russian–Hungarian].
4. Listok (1885) Red. Fencik E., Ungvar. № 1–6 [in Russian].
5. Listok (1886) Red. Fencik E., Ungvar. № 1–11 [in Russian].
6. Listok (1891) Red. Fencik E., Ungvar. № 1–10 [in Russian].
7. Nauka (1897) Red. Chuchka Ju., Ungvar. № 7–18; Podarok ot „Nauki” [in mixed Rusyn–Russian].
8. Nauka (1898) Red. Chuchka Ju., Ungvar. № 1–3 [in mixed Rusyn–Russian].
9. Nauka (1909) Red. Voloshin A. I., Ungvar. № 1–3, 5–8, 10–11 [in mixed Russian–Rusyn].
10. Novyj Svět (1871) Red. Gebej V. A., Ungvar. № 2 [in mixed Russian–Rusyn].
11. Svět (1869) Red. Sabov K. A., Ungvar. № 1–15 [in mixed Russian–Rusyn].
12. Svět (1870) Red. Kimak V. F., Ungvar. № 1–15 [in mixed Russian–Rusyn].
13. Svět (1871) Red. Kimak V. F., Ungvar. № 1–2 [in mixed Russian–Rusyn].
14. Sova (1871) Red. Kimak V. F., Ungvar. № 1–4 [in mixed Russian–Rusyn].

DICTIONARIES AND GLOSSARIES

15. Bilonozhenko V.M. ta in. (1993) *Frazeolohichni slovnky ukraïnskoi movy* [Phraseological dictionary of the Ukrainian language]. Kn. 1–2. Kyiv: Naukova dumka [in Ukrainian].
16. Biriĥ A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. (1998) *Slovar russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik*. [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. Sankt-Peterburg: Folio-Press [in Russian].
17. Vyrhan I.O., Pylynska M.M. (2000) *Rosiisko-ukraïnskyi slovnyk stalykh vyraziv*. [Russian-Ukrainian dictionary of set phrases]. Kharkiv: Prapor [in Ukrainian].
18. Dешко А.Р. (1867) *Narodnyiĥ pesni, posloviĥy i pogovorki Ugorskoy Rusi. Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju etnografii* [Folk songs, proverbs and sayings of Ugric Rus. Notes of the Imperial Russian Geographical Society at the Department of Ethnography]. Т. 1. S. Peterburg. S. 694–706. [in Russian–Rusyn].
19. Ilkevych H. (1841) *Halytskiy prypovidky y zahadky* [Galician proverbs and riddles]. U Vidni. [in Ukrainian].
20. Laver V.I., Zikan I.V. (1985) *Russko-ukraïnsko-vengerskiy frazeologicheskij slovar* [Russian-Ukrainian-Hungarian phraseological dictionary]. Kiev – Uzhgorod: Radyanska shkola [in Russian].
21. Lyzanets P. (2009) *Uhorsko-ukraïnskyi slovnyk stalykh slovospoluchen ta vyraziv* [Hungarian-Ukrainian dictionary of set phrases and expressions]. Uzhhorod: Karpaty [in Ukrainian].
22. ЕСУМ = Melnychuk O. S. ta in. (2006) *Etymolohichni slovnky ukraïnskoi movy* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Т. 5. Kyiv: Naukova dumka [in Ukrainian].
23. Mlodzynski H., Yohansen M.H. (2009) *Praktychnyi rosiisko-ukraïnskyi slovnyk prykazok* [Practical

Russian-Ukrainian dictionary of proverbs]. Kyiv: Instytut entsyklopedychnykh doslidzhen NAN Ukrainy [in Ukrainian].

24. Mokienko V.M. (2017) Davayte pravino govorit po-russki! Posloviцы: kak ih pravilno ponimat i upotrebyat, tolkovanie, proiskhozhdenie, inoyazychnyye sootvetstviya [Let's speak Russian correctly! Proverbs: how to understand and use them correctly, interpretation, origin, foreign language correspondences]. Moskva: Izdatelstvo Centrpoligraf [in Russian].

25. Nomys M. (1864) Ukrainski prykazky, pryslivia i take inshe [Ukrainian proverbs, sayings and so on]. Zbirnyky O.V. Markovycha i druhykh. S.-Peterburh: V drukarniakh Tyblena i komp. Yo. Kulisha [in Ukrainian].

26. ПГУР = (1869) Posloviцы i pogovorki Galickoy i Ugorskoy Rusi. *Zapiski imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniju etnografii* [Proverbs and sayings of Galician and Ugrian Rus. *Notes of the Imperial Russian Geographical Society at the Department of Ethnography*] T. 2. S. Peterburg. S. 227–362 [in Russian–Ukrainian–Rusyn].

27. Bárdosi V. (2019) Szólások, közmondások eredete. Frazeológiai etimológiai szótár [The origin of sayings and proverbs. Phraseological etymological dictionary]. Budapest: Tinta Könyvkiadó [in Hungarian].

28. Hadrovics L. (1995) Magyar frazeológia. Történeti áttekintés [Hungarian phraseology. Historical Overview]. Budapest: Akadémiai Kiadó [in Hungarian].

REFERENCES

29. Bevzenko S.P. (1980) Ukrainska dialektolohiia [Ukrainian dialectology]. Kyiv: Vyscha shkola [in Ukrainian].

30. Bulakhovskiy L.A. (1952) Kurs russkogo literaturnogo yazyka [Course of Russian literary language]. T. 1. Kiev: Radyanska shkola [in Russian].

31. Zoltan A. (2009) O yazyke «Gazety dlya narodnykh uchiteley» (Pesht-Budin, 1868–1872) [About the language of the «Newspaper for national teachers» (Pest-Buda, 1868–1872)] *Consortium omnis vitae: Sbornik statej k 70-letiju professora F.P. Fedorova*. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais Apgāds «Saule». S. 136–146 [in Russian].

32. Laver V.I., Zykan I.V. (1985) Nekotoryie osobennosti opisaniya ustoychivyykh sochetaniy v trekhazychnom frazeologicheskom slovare [Some features of the description of stable combinations in the trilingual phraseological dictionary] *Laver V.I., Zikan I.V. Russko-ukrainsko-vengerskiy frazeologicheskiy slovar* [Russian-Ukrainian-Hungarian phraseological dictionary]. Kiev – Uzhgorod: Radyanska shkola. S. 3–8 [in Russian].

33. Laver V.I. (1995) Deryvatsiina baza frazem ukrainskykh hovoriv Karpatskoho rehionu [The derivation base of the phrases of the Ukrainian dialects of the Carpathian region]. *Acta Hungarica*, № 6. Uzhhorod. S. 32–40 [in Ukrainian].

34. Larin B.A. (1977) Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie [History of the Russian language and general linguistics]. Moskva: Prosveshchenie [in Russian].

35. Matviias I.H. (2007) Dialektna osnova leksyky i frazeolohii v ukrainskii literaturnii movi [The dialectal basis of vocabulary and phraseology in the Ukrainian literary language]. *Movoznavstvo*. № 3. S. 23–27 [in Ukrainian].

36. Pankevych I. A. (1938) Ukrainski hovory Pidkarpatskoi Rusy i sumezhnykh oblastei: Z prylozhenniam 5 diialektolohichnykh map: Chastyna I. Zvuchnia i morfolohiia [The Ukrainian dialects of Subcarpathian Rus and adjacent regions: With the application of 5 dialectological maps: Part I. Sound and morphology]. *Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkárpatké Rusi při Slovanském Ústavu v Praze*. Číslo 9. Praha. [in Ukrainian].

37. Sabadosh I. V. (2008) Slovník zakarpatskoi hovirky sela Sokyrnytsia Khustskoho raionu [Dictionary of the Transcarpathian dialect of the Sokyrnytsia village, Khust district]. Uzhhorod: Lira [in Ukrainian].

38. Skrypnyk L.H. (1973) Frazeolohiia ukrainskoi movy [Phraseology of the Ukrainian language]. Kyiv: Naukova dumka [in Ukrainian].

39. Teliya V.N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kulturyi» [in Russian].

40. Moser M. (2016) Rusyn: A New-Old Language In-between Nations and States. *Kamusella T., Nomachi M., Gibson C. eds. The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 124–139 [in English].

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ У МОВІ УНГВАРСЬКОЇ (УЖГОРОДСЬКОЇ) ПЕРІОДИКИ ЧАСІВ АВСТРО-УГОРЩИНИ

Анотація. У статті подаються результати генетичного аналізу фразем, зафіксованих у газетах і журналах, які вийшли в Унгарії (Ужгороді) в період між 1867–1919 рр. Корпус аналізу складається з таких видань, як **СВѢТЬ** (1867–1871), **Новый СВѢТЬ** (1871–1872), **Сова** (1871), **Карпаты** (1873–1886), **Листокъ** (1885–1903), та **Наука** (1897–1921). Звісно, в цих виданнях спостерігається значна мовна інтерференція місцевих діалектів із церковнослов'янською, російською, а також угорською мовами. Культурна й мовна багатозаровість характерна, зокрема, і для фраземіки, яка використовувалася в газетах і журналах.

Згідно з їхнім історико-географічним походженням, фраземи поділяються на п'ять узагальнювальних груп. До першої групи віднесено ті давні інтернаціоналізми, які в різних народів зустрічаються в різних версіях. Крім фразем, утворених на основі давньої мудрості та професіоналізмів, у цій групі значну частину складають біблійські та давньогрецькі й латинські фраземи. У другій групі зібрано, головним чином, ті вислови, які стали загальноживаними в період пізнього середньовіччя після започаткування друкарства. У групі фразем східнослов'янського походження перераховані, в основному, ті фраземи, які увійшли до літературної норми російської та української мов. До групи гунгаризмів віднесено кальки тих фразем, які утворилися і розповсюдилися на угорській мовній території. До останньої групи віднесено народні фраземи, які виникли в Карпатському регіоні. Аналіз фразем допоміг установити, що через контамінацію та перефразовування під впливом місцевих діалектів часто важко, а в деяких випадках навіть неможливо визначити точний час, посередника, або шлях проникнення фразем до мови споживачів.

Проведений аналіз показав, що публіцисти одночасно керувались російською, угорською та народною (русинською) культурою, тому різні мовні та культурні сфери майже однаковою мірою вплинули на загальне бачення світу авторів та читачів і, безперечно, значно збагатили фразеологічний корпус.

Ключові слова: ужгородська періодика, генетична класифікація фразем, прислів'я і приказки, етимологія, кальки, бачення світу.

PHRASEOLOGISMS IN THE LANGUAGE OF THE UNGVAR (UZHGOROD) PERIODICALS IN THE TIMES OF AUSTRIA-HUNGARY

Abstract. The article presents the results of a genetic analysis of phrases recorded in the newspapers published in Ungvar (Uzhhorod) in the period between 1867–1919. The corpus of the analysis consists of such publications as *Svit* (1867–1871), *Novyi Svit* (1871–1872), *Sova* (1871), *Karpat* (1873–1886), *Listok* (1885–1903), and *Nauka* (1897–1921). There is a significant linguistic interference of local dialects with Church Slavonic, Russian and Hungarian languages in these publications. Naturally, the same cultural and linguistic multilayeredness is characteristic to the phraseologisms used in the papers.

It is possible to divide phrases into five generalizing groups in accordance to their historical and geographical origin. The first group includes those ancient internationalisms that are spread in different nations in different versions. In addition to phrases based on ancient wisdom and various professions, there is a significant number of biblical and ancient Greek and Latin proverbs. The second group includes mainly those expressions that became commonplace after the beginning of printing in the late Middle Ages. The group of phrases of East Slavic origin consists of phrases that have entered the literary norm of the Russian and Ukrainian languages. The group of Hungarian borrowings includes the tracings of those phrases that were formed and spread in the Hungarian-speaking territory. Folk phrases that originated in the Carpathian region are listed in the last group. It has been determined that it is often difficult and in some cases impossible to define the exact time, mediator and path of penetration by phrasemes due to contamination and paraphrasing under the influence of the vernacular.

Finally, the analysis showed that publicists were simultaneously guided by the Russian, Hungarian and Ruthenian folk culture, therefore, various linguistic and cultural spheres has influenced the general vision of the world of authors and readers to almost the same extent, and undoubtedly, considerably enriched the phraseological corpus.

Keywords: Uzhhorod periodicals, genetic classification of phrases, proverbs and sayings, etymology, tracings, vision of the world.

© Агії С., 2020 р.

Степан Агії – докторант, Університет ім. Лоранда Етвеша, Будапешт, Угорщина; <https://orcid.org/0000-0002-9796-4265>

Stepan Ahiy – PhD student, Eotvos Lorand University, Budapest, Hungary; <https://orcid.org/0000-0002-9796-4265>